

Говард Филлипс Лавкрафт

Преображение Хуана Ромеро

(The Transition of Juan Romero)

Сказать по правде, я не имею особого желания распространяться обо всем происшедшем на шахте Нортон 18 и 19 октября 1894 года. Только мой долг перед наукой вынуждает меня вспоминать на закате жизни о страшных событиях той ночи, а именно о преображении (назовем это так) Хуана Ромеро.

Пусть мое имя и происхождение останутся загадкой для потомства – это представляется мне более удобным по той простой причине, что человек, переезжающий в Штаты или колонии, оставляет за собой право хранить свое прошлое в тайне. Кроме того, мои прежние занятия не имеют ни малейшего отношения к этому повествованию, за исключением, пожалуй, одного факта – моего пребывания в Индии, где я чувствовал себя в большей степени своим среди местных седобородых мудрецов, чем среди собратьев-офицеров. Я еще не успел всерьез увлечься учениями Востока, когда определенные обстоятельства вынудили меня оставить службу, так что в конечном счете я оказался на просторах Дикого Запада уже под другим, самым обыкновенным и ничего не значащим именем.

Лето и осень 1894 года я провел на мрачных склонах Кактусовых гор, где трудился рудокопом на знаменитой шахте Нортон. Благодаря ее открытию одним пожилым старателем несколькими годами ранее, весь этот район прежде безлюдной пустыни стал средоточием хотя и убогой, но все-таки жизни. Золотоносная пещера, расположенная несколько ниже горного озера, обогатила своего почтенного первооткрывателя сверх всякой мыслимой меры. Сейчас шахта представляла собой огромное количество туннелей, где компанией, которой она была продана, велись интенсивные разработки золотоносных жил. Огромная и разношерстная армия рудокопов день и ночь посменно трудилась в многочисленных шурфах и скальных пустотах. Мистер Артур, работавший на шахте горным мастером, часто говаривал об уникальности местных геологических образований и, вслух размышляя о возможной протяженности пещеры, прикидывал будущее этого гигантского горнорудного предприятия. Что же касается обилия встречаемых нами подземных пустот, то мистер Артур объяснял их возникновение действием мощных потоков грунтовых вод.

Хуан Ромеро появился на коях вскоре после меня. Внешне он мало чем отличался от остальных здешних рабочих, в большинстве своем мексиканцев, хотя черты его лица, в целом типично индейские, были более утонченными, а кожа – более светлой, чем у прочих индейцев, как чистокровных, так и с примесью испанской крови. При этом, как ни странно, цвет его кожи не вызывал ни малейших ассоциаций с кастильскими конкистадорами или американскими первопоселенцами. Более всего он напоминал какого-нибудь древнего ацтекского вождя, что особенно бросалось в глаза в те моменты, когда он, встав поутру с

первыми лучами солнца, воздевал руки к светилу, как бы исполняя некий старинный ритуал, смысл которого он и сам не был в состоянии постичь. В остальных случаях кровь благородных предков никак в нем не проявлялась. Невежественный и грязный, он был в этом сродни другим мексиканцам, работавшим на шахте. Как мне впоследствии стало известно, его еще ребенком подобрали в заброшенной горной хижине – он один остался в живых после свирепствовавшей по всей округе эпидемии. Неподалеку от хижины валялись два уже обглоданных стервятниками скелета, видимо, принадлежавших его родителям. Никто толком не помнил ни их внешности, ни хотя бы имен. Вдобавок ко всему последовавший вскоре обвал стер с лица земли, а заодно и из людской памяти даже само место, где они когда-то жили. Мальчик вырос в семье мексиканского угонщика скота, унаследовав его имя, а также привычки и манеры своего малопочтенного окружения.

Привязанность, которую испытывал ко мне Хуан, объяснялась наличием у меня старинного индийского перстня необыкновенной красоты, который я надевал в редкие свободные минуты. Как я его приобрел – рассказывать не стану. Скажу только, что он был последним звеном, соединявшим меня с уже, казалось бы, навсегда закрытыми страницами моей прошлой жизни. Перстень имел для меня огромную ценность. Несколько раз я замечал, как зачарованно смотрел на него этот странный мексиканец, но никогда его взгляд не выражал чувства зависти. Возможно, древняя вязь перстня вызывала в его неразвитом, но цепком от природы уме какие-то особые воспоминания. Уже через несколько недель после своего появления здесь он, как верный пес, ходил за мной по пятам. Но наши беседы были ограничены в силу того, что он плохо знал английский, а мой академический испанский сильно отличался от простонародного диалекта, на котором говорил он.

Ничто не предвещало событий, о которых я собираюсь поведать. Для нас обоих все случившееся после того взрыва явилось полной неожиданностью. А началось все с решения горного мастера углубить шахту взрывным способом, так как скальные породы на достигнутой нами глубине очень сложно было пройти вручную. Посему был заложен мощный заряд динамита – вероятно, даже слишком мощный, как показали последствия. Мы с Хуаном не имели отношения к взрывным работам и узнали подробности происшедшего позднее, от непосредственных свидетелей. При взрыве содрогнулась земля и закачались близлежащие постройки, а все находившиеся неподалеку рабочие буквально попадали с ног. Озеро Джуэл, находившееся несколько выше уровня разработок, поднялось на дыбы, как в сильную бурю. Дальнейшее обследование показало, что внутри горы открылась огромная полость, которую не удалось измерить подручными средствами или высветить мощным фонарем. Испуганные забойщики поспешили известить об этом мистера Артура, который тут же распорядился вязать канаты и спускать их в пропасть до тех пор, пока конец не достигнет дна.

Некоторое время спустя один из забойщиков доложил мастеру о бесплодности всех предпринятых попыток. Очень твердо, хотя и с должной почтительностью, забойщик сообщил, что люди отказываются продолжать работу, пока отверстие провала не будет замуровано. Что-то здесь противоречило их опыту и

профессиональному чутью. Мастер не стал их уговаривать. Немного подумав, он приступил к распределению работ на следующий день. Ночная смена в забой не спускалась.

В два часа пополуночи на горе вдруг истошно завыл койот. Ниже, в рабочем поселке, ему начала вторить собака. Над горной грядой собиралась буря. Причудливой формы облака неслись с огромной быстротой, затягивая последние просветы в ночном небе, в которые временами проглядывала ущербная луна. Я проснулся от крика, доносившегося со второго этажа нар. Это кричал Ромеро, голосом напряженным и взволнованным, в котором звучало какое-то неясное мне ожидание.

– *¡Madre de Dios! – el sonido – ese sonido – ¡oiga Vd! – ¿lo oye Vd?* – ЭТОТ ЗВУК, сеньор!

Я прислушался, стараясь уловить звук, о котором он говорил. Но услышал только совместное завывание койота, собаки и бури. Последняя набирала силу. Ветер выл все сильнее, окошко нашего барака озаряли блики молний. Я попробовал уточнить у встревоженного мексиканца, кому принадлежат слышимые им звуки:

– *¿El coyote? – ¿el perro? – ¿el viento?*

Однако Ромеро не отвечал, продолжая в страхе шептать:

– *¡El ritmo, secor – el ritmo de la tierra!* – ЭТО БИЕНИЕ, ТАМ, ВНИЗУ!

Я начал вслушиваться и содрогнулся, сам не зная почему. Глубоко, очень глубоко подо мной действительно раздавался ритмичный звук. Он постепенно усиливался и вскоре звучал уже громче лая собаки, воя койота и стенаний бури. Более всего это напоминало шум двигателя в чреве океанского лайнера, как он ощущается человеком, стоящим на верхней палубе. Однако данный звук имел, как мне показалось, не механическую природу – в нем чувствовалась стихия жизни. Особенно впечатляла удаленность звука, как будто исходившего из самых недр земли. Невольно мне пришла на ум цитата из Джозефа Глэнвилла, послужившая эпиграфом к одному из рассказов По:

«...Необъятность, неисчерпаемость и непостижимость деяний Господних, глубиной своей много превосходящих глубину Демокритова колодца».

Внезапно Ромеро соскочил с нар и замер подле меня, пристально глядя на мой жутковато поблескивающий при каждой вспышке молнии перстень. Затем он направил взгляд в сторону шахты. Я тоже поднялся, и некоторое время мы молча прислушивались. В звуке все более проступал живой, осознанный ритм. Затем, будто подчиняясь чьей-то неведомой воле, мы направились к двери, которая содрогалась под порывами ветра. Вне барака подземное пение – ибо сейчас звук начал походить на пение – слышалось отчетливее, и мы двинулись в бушующую черноту ночи по направлению к шахте.

На нашем пути мы не встретили ни одного человека: рабочие из ночной смены, получив неожиданный выходной, сейчас наверняка торчали за стойкой в

старательском поселке под горой, пичкая кошмарными историями какого-нибудь полусонного бармена. Только в будке сторожа, подобно всевидящему оку, светилось окно. Мне захотелось узнать мнение сторожа насчет этих звуков, но Ромеро очень спешил, и я решил от него не отставать.

Когда мы проникли в шахту, жуткое многоголосое пение и бой барабанов, доносившиеся откуда-то из глубин, привели меня в состояние, близкое к шоку. Уже очень все это напоминало одну из тех восточных церемоний, свидетелем которых я был в Индии много лет тому назад. Мы с Ромеро продолжали движение по многочисленным ходам и спускам к неудержимо влекущей нас тайне. На одно мгновение мне показалось, что я схожу с ума. Это произошло, когда я увидел свет, что исходил от моего перстня, пронзая вязкий и влажный подземный мрак.

Мы спустились по очередной грубо сколоченной лестнице, и тут вдруг Ромеро издал страшный крик и умчался в сторону бездны, оставив меня одного. Одновременно новая дикая нотка зазвучала в песне и бое барабанов. Ромеро что-то кричал, но я не понимал его речи – это был какой-то совершенно неизвестный мне язык. Резкие гортанные звуки пришли на смену обычной для него смеси дурного испанского с еще более плохим английским, и только одно часто повторявшееся слово «Уицилопочтли» показалось мне смутно знакомым. Позднее я обнаружил это слово в книге одного знаменитого историка – и содрогнулся, осознав его смысл.

Кульминация ночных событий показалась мне на редкость быстротечной. Самое главное произошло в тот момент, когда я достиг края бездонного провала на нижнем уровне шахты. Из темноты донесся последний вскрик мексиканца, который исчез в ответном хоре странных, сводящих с ума звуков. Мне показалось, что все неведомые прежде ужасы земных недр в одно мгновение обрели свой голос и были отныне снedaемы желанием уничтожить человеческую расу как таковую. Неожиданно мой перстень перестал излучать свет. На ощупь я добрался до края пропасти и посмотрел вниз – там раскинулось сплошное море огней, из глубины которого вырывался чудовищный многоголосый рев. Поначалу я был просто ослеплен. Затем стал различать на фоне пламени отдельные двигающиеся силуэты и, наконец, увидел... Но был ли это Хуан Ромеро? Боже мой! Я не осмелюсь сказать, что именно я там увидел!.. Но, видимо, какая-то небесная сила поспешила мне на помощь: внизу раздался страшный грохот, подавивший все остальные звуки и сравнимый по мощи со столкновением двух вселенных. Затем воцарился хаос, и я познал мир забвения.

Я затрудняюсь с продолжением рассказа – уж очень странными выглядят обстоятельства этих событий, – но все же постараюсь изложить все, как помню, не проводя четкой грани между реальностью и возможной игрой воображения. Утром я очнулся на своих нарах. Красноватый солнечный свет едва пробивался сквозь мутное оконное стекло. На столе посреди барака лежало бездыханное тело Хуана Ромеро, а рядом наш лагерный врач и несколько других мужчин громко обсуждали внезапную, наступившую во сне смерть мексиканца. Причину ее предположительно связывали с сильным разрядом молнии, среди ночи угодившей прямо в гору. Однако выяснить это в точности не удалось даже при помощи вскрытия, которое не выявило никаких повреждений или признаков заболевания, могущего послужить причиной смерти. Как выяснилось из последующих разговоров, на самом деле ни я, ни Ромеро не выходили ночью из барака. Буря, по утверждениям людей, спускавшихся утром в шахту, вызвала обвал породы и целиком уничтожила открывшуюся в результате

взрыва пропасть, которая еще накануне возбудила такое большое волнение среди рабочих. Позднее я узнал от сторожа, что ничего, кроме воя койота, лая собаки и завывания бури, он в ту ночь не слышал, и у меня нет причин сомневаться в его словах.

По возобновлении работ мистер Артур потребовал провести бурение в том месте, где накануне обнаружился провал. Рабочие крайне неохотно, но все же подчинились. Результаты бурения оказались обескураживающими. Свод подземной полости, насколько помнили все его видевшие, отнюдь не был толстым; однако бур, далеко углубившись в дно шахты, не встретил внизу ничего, кроме сплошной скалы. Не обнаружилось там и золота, и горный мастер распорядился прекратить работы в этом месте. Впоследствии его не раз видели неподвижно сидящим за столом в конторе с крайне озадаченным выражением на лице.

И напоследок еще одна странная деталь этой истории. Наутро после бури я обнаружил, что мой индийский перстень исчез. Он был мне очень дорог, и тем не менее я испытал нечто вроде облегчения, когда его не удалось найти. Если кражу совершил кто-то из рабочих, он очень ловко спрятал свою добычу, так что даже проведенный полицией тщательный обыск оказался безрезультатным. Хотя в данном случае, как мне кажется, действовали иные, отнюдь не человеческие силы (в Индии мне доводилось слышать о многих еще более странных вещах).

Мое понимание происшедшего время от времени меняется. При свете дня все это представляется мне лишь жутким сном; однако иной раз по осени, обычно часа в два ночи, когда вдали слышен звериный вой и яростный ветер бьется о стены дома, до меня доносится нечто похожее на ритмический звук далеких земных глубин... В такие ночи я вновь отчетливо ощущаю весь ужас того, что в моей жизни будет навсегда связано с преображением Хуана Ромеро – ибо преображение это было воистину ужасным.

*Перевод: Олег Скворцов
1993 год*